
Александр А. Сальников
Ветлуга
поёт
о вечном
Том 8

Александр Сальников

Ветлуга поёт о вечном (Том 8)

«Автор»
2026

Сальников А. А.

Ветлуга поёт о вечном (Том 8) / А. А. Сальников — «Автор», 2026

В восьмом томе поэмы "Ветлуга поёт о вечном" публикуется восьмая из восьми частей поэмы. Поэма рассказывает об истории Великого Поветлужья и распространении христианства на средневековой Руси.

© Сальников А. А., 2026
© Автор, 2026

Александр Сальников
Ветлуга поёт о вечном (Том 8)

Часть восьмая

Противостояние

«…кто слушает Мои слова, но не следует им, можно сравнить с человеком, который построил дом на земле, без фундамента. Обрушилась на него река, и он сразу рухнул. От него осталась лишь груда развалин».

(Св. Евангелие от Луки 6:49)

1. Новые князья

Время соколом быстрым неслось над землёй.
Вот и осень промчалась, за ней и зима.
И с низовий Ветлуги, от Волги-реки,
До верховий Ветлуги опять поднялась
Новой власти пята на ветлужской земле.
Левый берег Ветлуги всё чаще звучал
Дикой речью татарской. Пришли из Орды
На Ветлугу, расселись, от хана князья.
Зюдзин вверх по Ветлуге до Шанзы пошёл.
Там осел. И за ним поселенья кругом
Заселяли татары, теснили мари
И славян, но совсем не сгоняли с земли.
Хитрый Зюдзин боялся открытой вражды
Далеко от Орды, и в открытый конфликт
Не хотел он теперь с малым войском вступать.
Ещё помнили люди нашествия те,
Что предпринял Ибраг. Был озлоблен народ.
Хитрый Зюдзин велел всем вокруг говорить,
Что Улу Мухаммед, мудрый хан, наказал
За бесчинства Ибрага, и вместо него
Посылает он Зюдзина, мир утверждать.
А Ибраг занял Юр. Не хотел он теперь
Далеко от Орды на Ветлугу идти.
Но и здесь левый берег запомнил его.
Недовольства и ропот стояли вокруг.
Тех, что власть признавали, не трогал Ибраг.
Ну а тех, кто не мог его власти терпеть,
И особенно русских, – на берег другой
Вытеснял он, сжигал дома и дворы.
Помнил он Улу хана суровый наказ;
Знал, что рядом, на Волге, и помощь ему;
Снова пленниц для хана в гарем посылал;
Подавлял недовольство огнём и мечом.

И, как раньше, плотами покрылась река.
Но теперь не мари покидали дома,
Чтобы в левобережье леса заселить,
А на берег другой увозили свой скарб
Сотни русских, покинувших дом и очаг.
Жрец из Юра, Касын, воевода Анзыл
И марийская знать власть приняли татар.
Стал Ибраг в Юре князем ветлужским сидеть.
С ним и жрец Янгоза под знамёна свои
Собирал против русских селенья мари:
– Это наша земля! – говорил Янгоза. –
Здесь веками мы жили. Теперь же вокруг
Русский дух! Свою веру несут нам они!
Только бог у них слаб! Он висит на кресте!
Его люди распяли! Таким ли богам
Мы должны подчиняться? Никто никогда
Кугу Юмо не сможет распять на кресте!
Кугу Юмо сильней, чем распятый Христос!
Кугу Юмо к себе призывает мари
И велит им прогнать русских с наших земель! –
И марийцы внимали вещанью жреца,
И хвалили не дюжую мудрость его:
– А ведь, правда, Христос-то у русских распят!
Бога люди распяли! Пусть он и воскрес,
Бог же всё-таки, – всё же распяли его!
– Нам такой бог не нужен! – кричали они.
И тогда очень многие те из мари,
Что крещёны уж были, снимали кресты
И бросали их в грязь, и топтали в грязи.
– Кугу Юмо сильней! Ты прости, Янгоза,
Что мы сдуру поверили русским. Прости!
Попроси Кугу Юмо, чтоб нас он простил!
– Кровью русских должны вы грехи отмолить
Под моими знаменами! Только тогда
Кугу Юмо простит вас! – сказал Янгоза.
Многих он поднимал под знамёна свои.
Все же были и те, что молчали в ответ,
К сердцу руку прижав, чтобы скрыть крест Христа.

2. Чудесный стан

Слышал грозный Ибраг, что от Юра вблизи
Стан монахов стоит, и что в стане живёт
Русский воин, который их прежде разбил.
Местью страшною сердце пылало его.
Русский берег стоял, как бельмо на глазу.
И уж случаи были, когда он войска
Через воды Ветлуги на берег другой
Направлял, чтоб селения русские жечь.

Стан искал он. Но, странное дело: никто
Воскресенского стана не мог показать.
Знали многие, где находился тот стан,
Но когда к нему с войском собрался Ибраг,
Стана он не нашёл. Берег правый стоял
В первозданной красе гол и тих. И один
Только сокол над вечной Ветлугой кружил.
И ни с чем возвратился обратно Ибраг.
А потом снова слышал, что стан, где он был,
Там и есть; и монахи там службу несут.
Брал Ибраг и других, местных, проводников,
Тех, что в стан приходили и знали, где он.
Но когда вёл он войско, – вновь места того,
Где был стан, не могли и они показать.
Всё пустынно кругом, ни домов, ни души,
Только сокол над вечной Ветлугой кружил.
И ни с чем возвращался обратно Ибраг.
А потом снова слышал, что стан, где он был,
Там и есть; и монахи там службу несут.
И зимой, когда скована льдами река,
Вновь Ибраг приводил к стану лыжный отряд.
Прочесали и русло, и берег реки,
Что напротив стоял. Всё пустынно кругом:
Ни домов, ни землянок, ни даже следов!
Только сокол над вечной Ветлугой кружил.
Ну а в стане творились иные дела.
Много слухов ходило о том, что Ибраг
Хочет сжечь тихий стан. Стали чаще теперь
Приходить к стану беженцы из-за реки.
Фёдор гневом пылал. Он хотел защитить
Левый берег; сразиться с Ибрагом в бою;
Отомстить за жену и за русских людей.
Но не мог он оставить монахов одних,
Пока рыскали всюду отряды татар.
Помнил он, как оставил свой дом и жену.
И за это винил и казнил лишь себя.
Он надеялся только, что сына его
Воевода укроет от злобы татар.
И не раз в стане видели, как за рекой
Проходили войска то туда, то сюда;
То за станом чего-то искали они,
По течению выше, а то – перед ним.
Проходили порой и на берег другой,
Снова рыскали всюду по ближним лесам.
Только к стану не шли, словно стана и нет.
Каждый раз сокол Финист сигнал подавал,
Как заметит ещё на подходе татар.
И кружил он над станом; по кругу кружил,
Облетая весь стан. Было так каждый раз.

Фёдор тут же доспехи свои надевал,
И на лошадь садился, и ждал у ворот.
И пришедших людей, кто держать ещё мог
Топоры или копья, с собой поднимал,
Чтобы стан защитить. С крепким луком своим
Петька рядом с Шарьинцем на страже стоял,
На коне вороном. Но Варнава монах
Запретил им, чтоб стан покидали они:
– Вот когда рать татарская к стану сама
Подойдёт, нападёт, вот тогда будет бой.
А пока мы помолимся, чтобы никто
Не погиб возле стана, и в стане у нас. –
И молились монахи. И так каждый раз.
И никак не могли люди в стане понять:
Почему же татары на них не идут.
Все же знали: пришли они стан отыскать.
Только сами всё ходят да ходят вокруг,
Стана вовсе не видя. И стали тогда
Говорить: стан молитвы монахов спасли.
А Варнава на сокола только глядел
И молчал, не мешал он молву разносить.
А монахов в то время насчитывал стан –
Девять иноков. Первые четверо здесь
Пожелали остаться, когда их привёл
Тихий старец Макарий из леса с собой
Среди тех, кто за ним шёл на Унжу толпой.
Были слабы они, чтобы дальше идти.
Старец им повелел в стане службу нести.
Два других прибежали поздней из лесов,
От татар убегая, из нижних земель.
Да и просто крестьяне стекались сюда,
Как прослышали, что проведенье само
Стан хранит от татар. И селились вокруг.
Собиралось всё больше у стана людей,
Тех, кому больше некуда было идти.
И за щупловским домом возникло уже
Поселение в несколько новых домов.
Долго ждали тогда нападенья татар.
Петька лук свой терзал: каждый день слышен был
Звук его тетивы, свист пускаемых стрел.
Наловчился он так, что за сотню шагов
Со столба мог сбить яблоко лёгкой стрелой.
Он мечтал рядом с Фёдором выступить в бой,
Чтоб за близких своих отомстить и прогнать
Навсегда вражью силу с марийской земли.

3. Унженский странник

По весне в стан из Унжи пришёл человек.

Как сказал, что он с Унжи, спросили его:
– Если с Унжи идёшь, то не слышал ли там
Ты про старца Макария? Может быть, знал? –
И на это монахам пришелец сказал:
– Мудрый старец Макарий на Унже сидит,
В землях галичских. В унженских тихих лесах
Скит построил себе. На холме там теперь
Монастырь поднимается. А под холмом
По молению старца источник возник;
Многих он уже влагой своей исцелил.
Сам же старец Макарий молитвой одной
Хворь любую снимает. Лечил и меня.
Как сказал я ему, что к Ветлуге иду,
Так просил он и в стан Воскресенский зайти.
И поклон до земли от него передать. –
Рассказал им пришелец, что хочет давно
Перебраться на юг, в земли тёплых краёв.
Хочет тёплое море увидеть, узнать,
Как там люди живут, что за вера у них.
– Вот уж я по Ветлуге с истоков иду.
И в Николо-Корельской обители был.
Вам от старца Пафнутия вести принёс:
Там татары на левом стоят берегу,
Но ведут себя тихо пока, не бузят.
Сам же старец Пафнутий слегка приболел.
Шлёт поклон. Всё в обители мирно идёт.
А ещё получил он хорошую весть
И её повелел по Ветлуге нести:
Исидор, мол, низложен! Посажен в тюрьму!
Князь московский и унию ту ниспроверг,
Что в безумье своём Исидор подписал.
Мы от греческой церкви отпали теперь.
Так что радуйтесь, братья!.. Пока сюда шёл,
Проходил я и станы, что выше стоят.
Отовсюду поклоны вам шлют. Знают там,
Что бушует Ибраг на низовьях реки.
Я и к старцу Варнаве зайду, и ему
От Макария тоже поклон передам.
А потом и на юг уже дальше пойду.
– И от нас старцу тоже поклон передай.
Ты скажи ему: только река оживёт,
Мы к нему приплывём по весенней воде. –
Так они и расстались. И странник ушёл.
Инок Тихон о страннике этом писал
В новой книге своей. Только книгу потом
Пламя жадное съело в престольной Москве,
Как и многие книги. Но это – рассказ
О других временах достославной Руси.
Так, теперь уж и вспомнить не может никто,

Как же странника звали, что в стан приходил.

4. Водный путь

Как Ветлуга раздвинула льды, поднялась,
Показала свою неуёмную мощь,
Разлилась широко, так, что было порой
Низкий берег с другого не видно совсем.
Затопила деревни на несколько вёрст.
И решили монахи, что время пришло
«Самарянку» на воды Ветлуги спускать.
Ведь татары теперь всё равно, что стоят
На другом берегу моря, а не реки.
– Даже нас и заметить не смогут они,
Если мы «Самарянку» теперь поведём
Возле русского берега. – Тихон сказал.
– Ну а там, где сужается русло реки,
Там мы можем и ночью пройти, в темноте. –
Предложил брат Макарий. Варнава сказал:
– Ничего, до сих пор Бог хранил нас в пути.
Даже в яме лесной. А тебя – и в огне, –
Он напомнил Макарию. – Труден наш путь.
И опасен. Но мы не богатства земли
Собираем в дороге, – богатства души!
На служении мы, а не в праздном пути.
На служении тягот нельзя избежать.
Вспомним, братья, что старец Пафнутий сказал,
Когда нас провожал: «виноградари мы,
И трудиться должны, чтоб собрать урожай». –
Так отправились снова в дорогу они
По течению вниз. Стан оставили свой
На монахов, на новых пришедших людей.
Плыли иноки в лодке, а берегом вновь
Фёдор с Петькой верхами пошли, на конях.
Где в Ветлугу впадала река, или где
Разливалась низиной Ветлуга сама,
И нельзя было сушей пройти на коне,
Там до места сухого на лодке своей
Переправу монахи чинили для них.
Фёдор с чалой шёл первым. Едва переплыв,
Возвращались монахи за Петькой с конём.
Двух коней лодка выдержать вряд ли могла.
Так спускались они по реке не спеша.
Если лодки другие встречали в пути,
То старались узнать: там марийцы сидят
Или русские, или татары плывут;
Люди мирные то, или грозный отряд.
Юр проплыли в ночи, чтоб к себе не привлечь
Лишних взглядов. У Юра вся пристань была

Переполнена лодками в восемь рядов.
Близко к пристани не подплывали они;
Белый парус спустив, шли течением вниз.
А как Юр миновали, не встретив в пути
Ни татарских отрядов, ни войск Янгозы,
Успокоились. Сокол спустился с небес
И уселся спокойно на крепком плече
Друга Фёдора. Только не знали они,
Что марийцы, которые встретились им,
Были посланы в лодках самим Янгозой
Водный путь проверять и дозором ходить
Под личиной простых рыбаков. А когда
Трёх монахов заметят, и с ними ещё
Того грозного воина, что у реки
В одиночку сумел много пленниц отбить, –
То немедленно весть передать Янгозе.
И едва эту весть Янгозе принесли,
Поспешил он к Ибрагу, и вместе они
Стали спешно в погоню войска собирать.
А в марийской дружине жреца Янгозы
Было много теперь черемисов лихих
И с верховий реки, и с низовий реки:
И недавно под Юром в округе собрал
Пополнение жрец для дружины своей.
От Мурановки-речки марийцы пришли,
Что впадает в Ветлугу. Та речка течёт
В живописных местах, и не редко на ней
Собирались гулянья народа мари:
Много песен текло по красивой реке.
По-марийски же песня – муро. Оттого
Речку эту Мурановкой звали мари,
То есть, Песенной. Так и поныне зовут.
А ещё с Шудатравы марийцы пришли;
Записались в дружину, чтоб русских изгнать
Из марийских лесов и с марийской земли.
А ещё с Черемиски пришли к Янгозе,
С Мелешихи ещё, с Полетайки пришли
И с Нелидовки, что и Нелтышем зовут,
Где глубокие омуты много людей
Поглотили, навеки себе их забрав.
Также с Руи пришли под знамёна жреца
Пять марийских стрелков. Руя мутно течёт.
Из Турани пришли, что на круче стоит
Над рекою Турань. Из Чибири пришли,
Где река с красноватой водою была.
Из Шабана пришли черемисы, они
Были правнуки тех, кто когда-то принёс
Русских головы к хану на пиках своих.
Трое их из Шабана пришли к Янгозе

На лихих скакунах. У Шабана всегда
Воздух затхлый стоял. Там деды их давно
Поселенье нашли и осели навек.
Также с Шижмаша десять пришло человек.
Шижмаш в тихом бору появился сухом,
Где родник пробегал. Жизнь деревне он дал,
Что возникла вокруг родника в том бору.
И от Какши Большой, и от Шуйбы-реки
Пополнялись войска. С Шурговаша пришли
Два охотника, жизни военной ища.
И с вонючей Янгарки пришли шесть мужчин,
Край марийский желая от руссов отбить.
И с Якшанги пришли, что текла через лес,
Где высокие красные сосны стоят.
И из Уреня, что был от Ура ещё, –
От охотника с именем Белка, его
Знали многие. Белкам он в глаз попадал
Своей меткой стрелой за сто двадцать шагов, –
Шесть стрелков из деревни пришли к Янгозе.
Это всё только часть от ветлужских земель
Из низовий Ветлуги, что встала теперь
Под знамёна жреца. Только малая часть
Перечислена здесь. А немало ещё
Приходило людей послужить Янгозе
От верховий Ветлуги-реки, да ещё
И со средних ветлужских земель. И теперь
Невозможно назвать все деревни мари
От которых стекался народ к Янгозе,
Чтоб поднять топоры против русских людей.
Разделилась и Шанза. И многих тогда
Воевода не смог от вражды удержать.
Разделился и Кокрин. Чоткар не хотел
Воевать против русских. И сын у него
Был у русских бояр. Да и веры они
Были русской теперь. Только были и те,
Что хотели при помощи сильных татар
Выгнать русскую веру с марийской земли.
Много было конфликтов и между мари,
Но открытой вражды сторонились пока.
А Булаксы и Юр те и вовсе теперь
Присягнули на верность татарской орде.
Много, много пришло послужить Янгозе.
Кто пришёл на конях, тот теперь составлял
Черемисскую конницу. Были и те,
Что на лодках приплыли, они на реке
Флот жреца составляли. Тот флот по числу
Превзошёл флот Ибрага. Зимою к жрецу
Приходили на лыжах. И лыжный отряд
Мог в сугробах высоких лесных не тонуть,

И коней обгонять в зимнем снежном лесу,
В бездорожье полей и в ветлужских лугах.
Там, где кони тонули в сугробах по грудь,
Лыжи ловко скользили на хрустком снегу.
А охотники много с собой привели
Псов-клещей, что могли и медведя свалить.
Были псы так натасканы, что если вдруг
На медведя они нападут, в бок ему
Челюстями вопьются, то их хоть порви
На куски, – челюстей не расслабят они.
Так бывало, что в схватке жестокой медведь
Всех собак разорвёт, и на шкуре его
Продолжают висеть, крепко челюсти сжав,
Лишь останки собак. Но от множества ран
Всё равно зверь издохнет. Чтоб челюсти пса
Снять со шкуры своей, нужно будет ему
Саму шкуру порвать, раны усугубив.
И отряд тех псарей стал грознее всего
В диком мстительном войске жреца Янгозы.
Быстроногие псы не боялись в бою
Ни коней и ни стрел, и ни смерти самой.
Так по водному следу рекою пошли
За монахами лодки мари и татар,
А по левому берегу – конный отряд
Да псари повели псов-клещей на цепях.

5. Бой с собаками

Солнце только взошло, осветив дивный лес,
В золотой чешуе стройных сосен горя,
И сверкая вдали на игривых волнах
Достославной Ветлуги, алмазом блестя.
Лодка лёгкая, парус крылом распахнув,
Словно лебедь над синей волною неслась
По изгибам причудливым чудо-реки,
Что вилась синей лентою меж берегов.
Дивный день намечала природа с утра.
Но испортился день, не начавшись ещё.
Первым сокол встревожился. В небо с плеча
Он поднялся стрелою, тревожно вскричав.
Фёдор понял: друг Финист даёт ему знак,
Что беда приближается. Вскоре принёс
Ветер издалека лай свирепых собак.
В узком месте на лодках велел Янгоза
Переправить собак и вдогонку пустить.
Вскоре лай слышен был уже близко. И вот,
Преогромную стаю увидели вдруг,
С косогора летящую прямо на них.
Может быть, на конях и могли ускакать

От свирепых собак Фёдор с Петькой, но как
Им оставить монахов на лодке одних?
Ну а биться с собаками на берегу,
Так они лошадей на куски разорвут.
И Шарьинец велел Петьке в реку зайти
На своём скакуне. Сам на чалой своей
Тоже в реку зашёл, не слезая с седла.
«Самарянка» приблизилась. Тихон просил,
Чтобы в лодку зашли они, бросив коней.
Но бросать на съедение псам скакунов
Не хотели они. Бой решили принять.
Фёдор Петьке велел на коне встать за ним
И из лука стрелять по погонщикам псов.
А в Ветлугу как бесы, что в омут идут,
Псов свирепый поток к лошадям повалил.
Фёдор выхватил оба меча и рубил
Псов направо, налево. В воде не могли
Они прыгнуть, чтоб в горло вцепиться коню.
Вот вокруг уже плавало множество тел,
И Ветлуга окрасилась кровью зверей,
И вода забурлила от множества рыб,
Что спешили на пир. Только с берега псы
Всё текли и текли смертоносной волной.
Вот и Петьку с конём окружили они.
Петька стал в них из лука стрелять. Только псов
Было много, и вскоре колчан опустел.
Петька меч свой достал, но с обеих сторон
Было трудно ему злых собак отгонять.
Вот и лодку волнами они обтекли.
Били вёслами их у бортов на воде.
А погонщики с берега только кричат,
Разъяряя собак, натравляя сильней.
Вот какая-то псина схватила за круп
Скакуна. Тот истошно заржал и едва
В воду Петьку не скинул. Ударом одним
Петька голову псу отрубил, но она
Всё на крупе висела, пугая коня,
Боль ему причиняя при каждом толчке.
И у чалой за хвост ей длинный успел
Пёс вцепиться. И Фёдор ему полбашки
Снёс с размаху. Едва успевал он в седле
Влево, вправо вертеться, от стаи собак.
Он на чалой скакал то туда, то сюда,
И без устали влево и вправо рубил,
Чтобы меньше на Петьку напало собак,
Чтобы меньше и к лодке собак подошло.
Только много их было. И вот уж одна
Петьке в ногу вцепилась, сапог прокусив,
Только кость не успела она прокусить,

Петька саблей кривой псине голову снёс.
И осталась висеть у него на ноге
Голова, прицепившись к его сапогу.
Окружили собаки их плотным кольцом.
Пёс один изловчился, момент уловил,
И когда Фёдор вбок отвернулся, – рванул
К морде чалой, клыками хватил что есть сил.
Только чалая дёрнулась, и в пасти пса
Удила оказались. На них он повис.
Испугавшись, хотела она отскочить,
Но ногой за корягу запнулась на дне
И на бок повалилась. И Фёдор с седла
Полетел прямо в воду. Исчез под водой.
Хоть и было в том месте ему лишь по грудь,
Но доспех со щитом потянули на дно,
И мечи он не выронил, крепко держал.
И тут стая свирепая грозных собак
Роем бросилась к ним, чтоб порвать на куски.
Дикий ужас сдавил крик в груди у друзей:
Тут и чалой конец, и Шарьинцу конец.
Ликование слышалось на берегу.
А вдали по реке шли уж лодки мари
Во главе с Янгозой на богатом челне.
По другому же берегу конный отряд
Подоспел и с восторгом на бойню смотрел.
Тут случилось такое, чего никогда
И никто на Ветлуге не видел ещё.
Псы едва устремились к добыче своей,
Вот уж близкой, желанной, – как воды реки
Закипели вокруг, и один за другим
Стали псы вдруг тонуть. Не один не сумел
К чалой лошади даже и близко подплыть.
Фёдор только глаза под водою открыл,
Как увидел вокруг среди толщи воды,
Среди рыб, – обнажённые толпы людей:
Всюду, всюду кишели людские тела
И девиц, и мужчин, и юнцов, и детей.
Кто как был, так и есть, ну а кто и с хвостом
Вместо ног, как у щуки, но очень большим.
Все хватали за ноги свирепых собак
И тащили под воду, топили и прочь
Увлекали тела в толщу мутную вод.
Фёдор тут ощутил у себя на плече
Чью-то руку, что хочет его приподнять
И подняться помочь, выйти прочь из воды.
Оглянулся Шарьинец и чуть не вскричал,
Чуть воды не хлебнул полной грудью своей.
Перед ним обнажённая Маша была.
Виновато и грустно смотрела она

На любимого. Понял Шарьинец тогда,
Что она привела весь подводный народ,
Чтоб от смерти свирепой его уберечь.
Было Фёдору очень неловко смотреть
На её обнажённоё тело, и всё ж
Сердце сладко забилось в груди у него.
И про всё позабыл он, хотел лишь обнять
И губами прижаться к любимым губам.
Потянулся он к ней. Но сказала она:
– Ах, мой милый! Нельзя мне тебя целовать.
А не то, не вернёшься на воздух земной.
Ты прости меня, глупую: думала я,
Что уже не увижу тебя никогда,
И сгубила себя. И с собой увлекла
Много девушек. Ты же, мой милый, живи!
Здесь не долог мой срок. Скоро нас заберут,
Тех, что пали невинно. Тебе же пора!
Я пошлю тебе в помощь другую жену.
Ты живи за меня, и для сына живи… –
И она чуть толкнула Шарьинца, и он
Вмиг один очутился над бурной водой,
Где ещё в волнах бились последние псы,
Уходя под волну. Где стояла уже
Лошадь чалая. Петька к нему подскакал
И хотел уж с седла прыгнуть в воду за ним.
А на лодке монахи стояли, крестясь.
Осмотрелся Шарьинец: на волнах реки
И следа не осталось от диких собак;
Даже трупы и части отрубленных тел
Под водою исчезли. В спокойной воде
Только лодка качалась, да лошадь с конём
Дно копытами били, забравшись по грудь
От собачьего войска в Ветлугу-реку.
Всё случилось так быстро, никто ничего
И понять не успел. Тут Макарий спросил:
– Что за чудо такое? Едва ты упал,
Как собаки на дно все мгновенно пошли… –
Тихон вместо Шарьинца ответил тогда:
– Братья, я побожиться могу, что в воде
Видел, будто хватали их руки людей…
– Так и мне показалось, – Варнава сказал.
– Ясно видел я руки, что мне с сапога
Сняли челюсти пса, без труда их разжав. –
Петька, белый от страха, монахам сказал. –
И до крупа коня дотянулась рука
И сняла с него мёртвую голову пса,
Так легко её мёртвую челюсть разжав,
Что и конь не почувствовал боли совсем.
Видно, сила немалая в этих руках… –

Фёдор вместо ответа под воду нырнул,
Чтобы снова увидеть любимой лицо.
Но теперь под водой только муть поднялась
Да рыбёшки сновали туда и сюда.
Фёдор вынырнул, встал. Хмуро к чалой пошёл.
Сел в седло и друзьям своим тихо сказал:
– Это Маша подводный народ позвала,
Чтобы жизнь мне спасти. – Он вздохнул тяжело.
А потом гневно глянул на берег, туда,
Где толпились псари на татарских конях.
Уж они предвкушали победу себе.
Но недолгой их радость победы была.
Фёдор чалую к ним устремил и, подняв,
Два меча, стал налево, направо рубить.
Только брызги летели с него, словно пот,
Так как был он сырой с головы и до пят,
Искупавшись в весенней холодной воде.
Испугались псари, повернули коней
И назад понеслись, лишь пощады прося.
Петька следом за Фёдором быстро летел.
Он с убитых псарей всё снимал колчаны
Да на луку седла прицеплял, чтобы стрел
Предостаточно было для лука его.
Долго гнали бы Фёдор и Петька псарей.
Только вдруг перед Фёдором, словно стрела,
Сокол Финист промчался, призывно крича.
И Шарьинец как будто очнулся от грёз,
И азарт боевой место вмиг уступил
Трезвой мысли. Он лошадь свою придержал,
На Ветлугу взглянул и увидел вблизи
До изгиба и дальше всё русло реки
Покрывали челны, паруса распахнув.
И угрозы, и брань доносились с реки.
И с челнов уже стрелы пускали в него.

6. Преследование

Федор чалую быстро назад повернул.
Петька тенью за ним полетел на коне.
«Самарянку» догнали. Но лодка была
Больше лёгких марийских челнов, тяжелей,
И бежала чуть медленней. Вскоре уже
Стрелы первые стали вонзаться в борта.
Только ветер вдруг дунул и парус надул,
И понёс «Самарянку» по лёгким волнам.
Фёдор с Петькой по правому берегу вдоль
Поскакали за лодкой. А берег другой
Впереди отдалялся, там русло реки
Широко расплеснуло весенний поток.

И увидев, что дальше и дальше теперь
Им до лодки, татары сначала в неё
Стали стрелы пускать. Но потом и они
Долетать перестали. Татарский отряд
Вдоль по берегу левому дальше пошёл,
Чтобы узкое место найти на реке,
Где бы можно до лодки стрелою достать.
И челны отставали. С них стрелы уже
За кормой «Самарянки» ныряли в волну.
Тут на первом челне зазвучали слова
Янгозы: умолял он марийских богов
Чтобы ветер уняли. И парус тогда
Не поможет монахам удрать по реке.
А на вёслах челны их проворней бегут
Грузной лодки, где только и есть три гребца.
И услышали боги молитвы жреца.
Ветер тут же утих. Парус тряпкой повис.
«Самарянка» течением тихим пошла,
А марийцы на вёсла скорей налегли.
Снова острые стрелы вонзались в борта,
Что скрывали монахов. Теперь уж они
О спасенье молили. Два конника их,
Как могли, защищали, стреляя с коней
По марийским челнам. Но и к ним от челнов
Рой пернатых смертей посылался в ответ.
Инок Тихон хотел было встать, взять весло,
Чтобы лодке помочь. Но поднялся едва,
Как плечо ему будто огнём обожгло:
Злой осою вонзилась стрела, затряслась,
Жадно крови испив. Инок Тихон упал,
Застонал. Брат Варнава к нему поспешил.
А с челнов крик победы взлетел над рекой.
И посыпались стрелы дружней и тесней.
Парус был, словно иглами, ими прошит.
Где насквозь пролетали, а где бахромой
Повисали пернатые стрелы на нём.
Прикрываясь спасительным крепким бортом,
Рану друга Варнава монах осмотрел.
Кость стрела не задела; навылет прошло
Её острое жало. Варнава стрелу
Надломил и извлёк. И поближе к бортам
Подтащил брата Тихона. Стали втроём
Они снова молиться, чтоб ветер послал
Им Никола Угодник. И вот уж когда
Дно у лодки почти всё открылось с челнов,
Стрелы стали всё ближе вонзаться в борта,
Снова ветер поднялся над тихой рекой.
Да такой, что как пёрышко лёгкое он
«Самарянку» понёс. И отстали челны.

Закричал Янгоза. Гневный голос его
Далеко сильный ветер унёс по реке.
Призывал он на помощь всех духов мари.
Он просил в клочья парус у лодки порвать.
И сквозь ветер монахи услышали, как
Братство чёрного ворона он призывал.
И над лесом вдали левый берег реки
Впереди чёрной тучей покрылся большой.
Туча шла прямо к лодке. И вскоре уже
Было видно, что это не туча летит
А огромная черная стая ворон.
С ними чёрные вороны, хрипло крича,
К «Самарянке» летели. И тучей они
Налетели на лодку. От них и борта
Не могли уберечь. Клювы их как шипы
Били больно. И не было птицам числа.
Под дерюгой монахи укрылись едва,
Отбиваясь от птиц. Дикой стаей ворон
Парус в клочья растерзан был. Тряпкой висел.
Петьке с Фёдором тоже досталось от птиц.
Сколько Фёдор мечами не бил, не махал,
Птицы снова и снова летели, как рой.
Но Шарьинца и Петьку доспехи ещё
Защищали. Труднее пришлось лошадям:
Они жалобно ржали от боли, когда
Клювы острые в шею вонзались и в круп.
И казалось, что нету мученью конца.
И вокруг – ни просвета не видно, одни
Крылья, чёрные клювы да полчища птиц.
Только вдруг так же быстро, как чёрная мгла
Дикой стаи огромной из лесу на них
Налетела свирепо, галдя и крича, –
Так же быстро рассеялась туча ворон.
Из окрестных лесов Финист сокол привёл
Своё пёстрое братство. И в ужасе тут
Разлетелись вороны горластые, вмиг
Все в леса устремились, чтоб скрыться в ветвях.
Всё же сотни их падали в воды реки
От когтей соколиных и клювов. Кругом
Крылья чёрные с серым текли по волнам,
Бились в смертной тоске и тонули в реке.
Но едва лишь рассеялись тучи ворон,
Распахнула объятья иная беда:
Парус больше не мог «Самарянку» нести,
Он похож был теперь на тенёта в лесу,
Что висят бахромой на тенистых кустах.
И всё ближе, и ближе по руслу реки
Подходили челны. Вместо глупых ворон
Вот уж хищные стрелы летели опять,

На лету трепеща, сладкой крови ища.
И взмолились монахи, чтоб ветер утих
И не гнал к ним челны. Ветер тут же утих.
Но на лёгкие вёсла в челнах налегли,
Паруса опустив, и всё ближе они
Подходили к монахам по волнам реки.
И опять лишь корма защитить их могла
От жестокости стрел, что летели им в след.
Фёдор с Петькой стреляли из луков в ответ
И уже обезлюдили много челнов.
Только челн Янгозы, что бежал впереди,
Не могли одолеть они, будто его
Сами стрелы бояться и выше бортов
Не хотят попадать, лишь впиваясь в борта.
Правый борт у челна стал похож на ежа.
И тогда Фёдор ярость свою обратил
На другие челны, что текли по реке.
Но без счёта их было на водном пути.
И кончались уж стрелы. И Петьке опять
Приходилось по берегу их собирать,
Те, что были марийцами пущены в них.
Только это всё было ещё полбеды:
Лишь изгиб «Самарянка» прошла, где река
Повернула свой путь, – стало видно вдали,
Как сужается русло. Там берег один
Близко к бе́регу-брату подходит. И там,
На другом берегу́, что по левой руке,
Всё татарское войско Ибрага стоит.
Бьют копытами кони у самой воды,
Копья длинные высятся будто бы лес,
Остриями сверкают и смертью грозят.
Сотни луков поднялись, готовые вмиг
Роем стрелы пустить, хоть на берег другой.
Уж монахов от стрел не укроет корма,
Левый борт лишь их может укрыть, но и он
Под обстрелом челнов, что идут по пятам.
А как острые копья в борта полетят,
Или в дно попадут, тут уж могут совсем
Брешь проделать и лодку в реке утопить.
И без этого лодка похожа была
От вонзившихся стрел на большого ёжа;
Стрелы лодку так часто покрыли вокруг,
Словно пышный кустарник вдруг вырос на ней.
Фёдор крикнул монахам, чтоб к берегу шли,
Чтобы вышли из лодки и, сев на коней,
Свой продолжили путь. Он же – встретит врага.
Только к берегу лодку теперь подвести
Не могли уж монахи; и встать в полный рост,
Чтобы взяться за вёсла, они не могли.

И челны были близко: промедли чуть-чуть,
И марийцы их всех расстреляют в упор.
Лишь причалят они, остановят свой путь,
Как марийцы нагонят и выйти уже
Не позволят из лодки. И вот по волнам
Лодка тихо плыла по теченью реки.
Да и Петька с Шарьинцем лишь чудом теперь
Укрывались щитами от множества стрел.
Да коней потерять рисковали они.
А уже «Самарянку» волною речной
Подносило всё ближе к татарам. И вот,
Лишь на выстрел стрелы поднесла их река,
Как татарские стрелы прибавились к тем,
Что пускали марийцы. На лодку теперь
Стрелы острые сыпались ливнем сплошным,
А не частым дождём, как мгновенье назад.
По Ветлуге-реке плыли тысячи стрел,
Тех, что цель не нашли и упали в волну.
Тут же ранен был в ногу Макарий монах.
И взмолились монахи сквозь слёзы о том,
Чтобы спас их Господь от свирепости стрел.
Прикрывались на лодке они, чем могли.
И казалось, что нету спасения им.
Только сокол над ними кружил в вышине,
На людское сраженье смотрел с высоты.
Вдруг Ветлуга как будто бы дрожью пошла,
Закипела волна и в тот миг от реки
Стал вставать, подниматься молочный туман,
Он густой пеленой всё окутал кругом.
Удивлённые слышались крики мари
И татар, поражённых чудесной рекой,
Что собак поглощает, скрывает от стрел.
А монахи за вёсла скорее взялись,
Чтобы к берегу править на голос родной
Друга Фёдора. Он уж на чалой своей
Снова в воду зашёл, чтобы лодку найти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.